

— Павильон Парных Гусей? — опешил Ци Юй. — Это же не роман о совершенствовании, к чему тут ковать мечи?

Система пролистала несколько страниц и напонила:

— Чжоу Линь охраняет границы и сражается с врагами, а все мечи, которые он использует, изготовлены здесь. Это важная точка, которая появится в сюжете позже, тебе не нужно уделять ей слишком много внимания.

Ци Юй впервые подумал, что иметь Систему — это благо. В первый раз это было тогда, когда Чжоу Линь собирился его убить, а Система пронзительно завила: Присядь!

Они шли за Чжоу Линем около четверти часа, пока не оказались в тупике маленького переулкa, где стоял домик, сложенный из грубого камня. Дверь из хвороста подалась сразу, стоило её подтолкнуть.

Чжоу Линь, явно знавший это место как свои пять пальцев, вошёл внутрь. Сначала он взял веник, стоявший у двери, и вымел снег, а затем закатал рукава, обнажив крепкие предплечья, и, распахнув дверь, обернулся к Ци Юю:

— Заходи.

Ци Юй застыл в изумлении:

— Фраза о том, что мечи делают здесь, означает, что Чжоу Линь куёт их сам?

— Тебе не стоит заикливаться на этом, — отрезала Система.

— ... — Ци Юй промолчал.

Он вошёл следом. Чжоу Линь открыл окно. У стены стоял ряд ещё не законченных клинков. Чжоу Линь привычным движением взял один, чтобы примериться, — его предплечья покрывала сеть вздувшихся вен. Потирая большим пальцем рукоять, он спросил:

— Слышал, ты любишь фехтовать?

— Не то чтобы люблю, скорее, неплохо владею мечом.

— Хм. — Чжоу Линь отложил клинок и протянул Ци Юю ковш. — В чане во дворе есть вода, принеси-ка черпак.

Ци Юй молча взял ковш и вышел. Когда он вернулся с полной порцией воды, в маленькой печи Чжоу Линя уже полыхал огонь. Чжоу Линь одной рукой принял у него ковш и вылил воду в глиняный чайник, чтобы поставить его на огонь.

Чжоу Линь отодвинулся в сторону и слегка кивнул Ци Юю:

— Поприглядывай, а я займусь печью.

Ци Юй кивнул и встал перед чайником. Тепло от танцующих языков пламени приятно согревало грудь. Он перевёл взгляд на Чжоу Линя: тот ловко разжёг огонь с помощью огнива и подбросил дров. Движения были настолько отточенными, словно он занимался этим всю жизнь.

Ци Юй, не отрываясь, смотрел на него, но всё же пропустил момент, когда Чжоу Линь достал пакет с чаем — так же магически, как ранее извлёк нефритовое кольцо. Разрывая бумагу, Чжоу Линь проговорил низким голосом:

— Обстановка простовата, так что не обессудь.

Ци Юй лишь кивнул в ответ.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском дров. Заметив, что Ци Юй погрузился в свои мысли, Чжоу Линь решил прощупать почву:

— Не думал о том, как бы донести на меня государю?

— Что?

— Незаконное хранение оружия. — Чжоу Линь поиграл пальцами. — Прекрасный повод для обвинения и отличный рычаг давления.

Ци Юй сдержался. Он чувствовал, что Чжоу Линь расставляет ловушку: скажи он, что у него были такие мысли, — и не сносить головы, скажи, что никогда не думал об этом, — Чжоу Линь лишь укрепит в своих подозрениях. Идти вперёд сложно, отступить — тоже.

Глубоко вздохнув, Ци Юй осторожно ответил:

— Сегодня мы с хоу Чжоу отправились на прогулку: любовались снегом в Павильоне Парных Гусей, пили чай в усадьбе Жэло, весь день приятно беседовали. При чём здесь какое-то оружие?

Чжоу Линь пристально посмотрел на Ци Юя. Услышав этот уклончивый и лицемерный ответ, он опустил голову и тихо усмехнулся — в этом смехе сквозила безнадежность:

— Мы даже чаю ещё не попили, да и чай не ахти какой, так что и упоминать его не стоит.

Ци Юй сухо рассмеялся:

— О чём стоит говорить, о том и говорим. — А о чём не стоит — о том и подавно...

Ци Юй выдохнул с облегчением, осознав, что этот главный герой-мужчина куда опаснее, чем Се Чжань.

Когда вода в чайнике закипела, Чжоу Линь заварил чай и нашёл в шкафу две бело-голубые чашки. Тщательно протерев их влажной тканью, он вернулся. Он всё ещё стоял с закатанными рукавами, и в его движениях было что-то от крепкого крестьянина: трудолюбивый, неприхотливый, и в пир, и в мир... хотя вряд ли в кухню, ведь Чжоу Линь был из тех благородных мужей, что держатся от неё подальше.

Ци Юй принял чашку, поблагодарил и, опустив голову, сделал глоток. Чайные листья плавали на поверхности, в воде расплывался нежно-зелёный оттенок, источая тонкий, проникающий в душу аромат.

Ци Юй с невозмутимым видом кивнул:

— Хороший чай.

Чжоу Линь глухо рассмеялся, и его грудь завибрировала:

— С чего ты взял, что он хороший? Я сорвал эти листья по пути в столицу, они даже не прошли обжарку, всю дорогу пролежали в бумаге. Я сам не знаю, чай это или просто трава, а ты с первого глотка определил, что чай отличный?

Ци Юй старался игнорировать бандитские замашки Чжоу Линя, который обдирает чужие кусты, но не удержался:

— Ты хоть заплатил за него?

Чжоу Линь явно опешил. Он с улыбкой смотрел на Ци Юя, словно не ожидал, что тот не только не смутится его подколкам и не станет продолжать льстить, а задаст такой вопрос. Какой занятный человек.

— Заплатил, — Чжоу Линь двумя пальцами взял со стола пару листиков. — За эти два лян чая я отдал два слитка серебра. Достаточно?

— Раз чай настолько дорог, значит, он по определению хорош, — Ци Юй опустил глаза и снова пригубил напиток. — Вкус мягкий, послевкусие долгое, как же это может быть плохим чаем?

Если бы Чжоу Линь сам не пил эту безвкусную воду, он бы почти поверил в болтовню Ци Юя. Но он не стал спорить и серьёзно кивнул:

— Хм, и правда, хороший чай.

В чаепитии важен не сам чай, а человек, с которым его пьешь. Если человек приятен, то и чай кажется освежающим. Чжоу Линь залпом допил воду и налил себе ещё. Когда он поднёс чашку к губам, его узкие глаза исподтишка наблюдали за Ци Юем из-за края посуды. Погода стояла холодная, пар поднимался от чашки, размывая черты лица Ци Юя. Странное дело: он был совсем юным, но рядом с ним Чжоу Линь чувствовал себя как с закадычным другом, и ему невольно хотелось сократить эту дистанцию.

Неспешно выпив две чашки, Чжоу Линь принялся за ковку. Он взял молот размером с три кулака, положил раскалённый меч на каменный стол и, придерживая рукоять, обмотанную льняной тканью, с силой ударил по лезвию. Раздалось звонкое: Дзынь, дзынь, дзынь!

Ци Юй не скучал — он сидел, обхватив чашку обеими руками, и наблюдал за работой. В печи стоял жар, и вскоре лоб Чжоу Линя покрылся испариной, а длинные чёрные волосы намокли и слиплись в пряди. Он ещё выше закатал рукава, почти полностью обнажив крепкие руки.

Чжоу Линь был невероятно сосредоточен: веки полуприкрыты, на высоком переносице блестят капли пота, тонкие губы плотно сжаты. Пот стекал с висков к подбородку и падал на землю. Видимо, нос зачесался, и Чжоу Линь провёл по нему тыльной стороной ладони, стирая влагу, а затем, повернувшись, спросил:

— Что лучше: агат или синий нефрит?

— Пожалуй, синий нефрит.

Чжоу Линь с бесстрастным лицом кивнул:

— Верно, синий нефрит лучше.

— А что, по-твоему, лучше: длинный меч или длинный нож?

— Одно и то же. Всё зависит от того, насколько удобно владельцу.

— Хм.

Помолчав, Чжоу Линь низким голосом добавил:

— Не вытрешь мне пот?

Ци Юй опустил голову и перерыл всё, что было при себе, но платка не нашёл — он не привык их носить. Его взгляд упал на тряпку, лежавшую в щели между деревянной рамой окна и подоконником. Чжоу Линь проследил за его взглядом и рассмеялся:

— Хочешь вытереть меня этим? Можешь попробовать.

Ци Юй: ...

Угроза была более чем явной. Если бы он рискнул воспользоваться этой тряпкой, то, скорее всего, стал бы первым призраком, павшим от этого самого меча.

Ци Юй глубоко вздохнул. Сравнив Чжоу Линя с Се Чжаньи в который раз, он пришёл к выводу, что Се Чжаньи — просто душка, с ним куда легче.

Не найдя ничего подходящего, Ци Юй в конце концов поднял свой плащ, который бросил в стороне, и, держа его за уголок, подошёл к Чжоу Линю. Видя, как тот холодно смотрит на него,

он через силу предложил:

— Это всё же лучше, чем та тряпка с окна, верно?

Чжоу Линь нахмурился, но не стал придирается и слегка наклонил голову, чтобы Ци Юю было удобнее. Когда тот приблизился, Чжоу Линь крепче сжал молот, его ресницы дрогнули, кадык нервно дёрнулся. Мягкая ткань коснулась лба, и нос Чжоу Линя внезапно уловил тонкий аромат, от которого бросило в жар. Он хрипло спросил:

— Отчего ты так приятно пахнешь?

— Наверное, мылом или благовониями.

— Хм.

Ци Юй никогда не задумывался о своём запахе — для него он был едва уловим, и он не понимал, как у Чжоу Линя может быть такой острый нюх. Наверное, чувства главных героев всегда острее, чем у обычных людей.

Вытерев пот, Ци Юй вернулся на своё место. Чжоу Линь что-то пробормотал — голос был таким низким и тихим, что его заглушил треск догорающих дров, и Ци Юй не расслышал ни слова. Он переспросил, но Чжоу Линь лишь равнодушно покачал головой и вернулся к работе:

— Ничего.

Они провозились до самого заката. Зимой темнеет рано, поэтому им нужно было поторопиться, чтобы не оказаться в темноте в пути. Плащ, которым Ци Юй вытирал пот, давно высох, но Чжоу Линь не дал его надеть, вместо этого бросив Ци Юю свою меховую накидку:

— Надень эту.

— А ты?

Чжоу Линь накинул гусиный пуховик Ци Юя на себя. Он был высоким и широкоплечим, поэтому одежда смотрелась на нём комично маленькой и тесной, но Чжоу Линь даже бровью не повёл. С холодным выражением лица он произнёс:

— Я надену этот.

— Неудобно ведь?

— Что тут неудобного? — Чжоу Линь приподнял бровь. — Кто здесь осмелится сказать тебе хоть слово против?

— Я не об этом.

— Зимние ночи холодны, твой пуховик не сравнится с моим мехом. Я завёз тебя так далеко, значит, должен вернуть в целости и сохранности, чтобы ты не простудился, а брат Юньцзюэ не стал меня упрекать.

— Тогда... благодарю, хоу. — Ци Юй принял доброту Чжоу Линя. В конце концов, тот был здоров как бык и от него исходил такой жар, что он точно не замёрзнет.

Ци Юй не знал, что во время пути ледяной ветер, пронизывающий до костей, пробирался сквозь влажный пух накидки, который, хоть и высох, совсем не грел, сбившись в комки. По сути, на нём была лишь тонкая ткань. Но Чжоу Линь не сказал ни слова. Он крепко сжимал поводья и отрывисто командовал:

— Но! — Никто бы и не догадался, насколько ледяными были его ладони.

Когда они вернулись в столицу, уже стемнело. Улицы сияли огнями, шум толпы немного согрел озябшее тело Чжоу Линя. Лошади мерно стучали копытами, пробираясь сквозь людской поток.

Ци Юньцзюэ ждал их на пути к дому. Увидев их издалека, он радостно замахал рукой, а когда они приблизились, вежливо произнёс:

— Хоу, благодарю, что присмотрели сегодня за моим младшим братом.

— Пустяки, — Чжоу Линь, сидя в седле, слегка склонил голову. — Я отлично провёл время, во многом благодаря Ци Юю.

— Вот и хорошо. — Ци Юньцзюэ не смог поехать сам и хотел наладить отношения, поэтому подозвал слугу с подарком: — Не знал, что вам по душе, но по пути домой увидел пару фарфоровых чаш с изящным узором, они как раз под стать вам, вот и купил.

Слуг Чжоу Линя уже отправили домой, поэтому ему пришлось спешиться, чтобы принять дар. Он мельком взглянул в ларец:

— Красиво, благодарю, брат Юньцзюэ. — И принял подарок.

Пока он сидел на лошади, Ци Юньцзюэ не заметил, но стоило Чжоу Линю спешиться, как стала видна тесная, нелепая одежда, которая до боли напоминала вещи его брата. А взглянув на Ци Юя, он увидел на нём чёрную меховую накидку, в которую тот был укутан с головой...

Что здесь происходит?

Улыбка Ци Юньцзюэ стала натянутой, и он не удержался от вопроса:

— Ну как, хорошо провели время?

Чжоу Линь обернулся к Ци Юю, в его глазах блеснул странный огонёк:

— Любовались снегом в Павильоне Парных Гусей, пили чай в усадьбе Жэло, весь день приятно беседовали. Всё было как нельзя лучше.

Ци Юй промолчал — этот человек только что украл его слова.

Ци Юньцзюэ улыбнулся:

— Ну и славно.

Он снова взглянул на Ци Юя и, увидев, что они просто обменялись накидками, успокоился:

— Вы устали, не буду задерживать хоу. До встречи.

— Угу. — Чжоу Линь кивнул, взял ларец и вскочил в седло. На прощание он бросил Ци Юю: — Завтра пришлю человека за своим конём, не нужно его возвращать. — И ускакал прочь.

Ци Юй подошёл к Ци Юньцзюэ, заметив, что тот хмурится:

— Что такое?

— Что с твоей одеждой?

— Хоу беспокоился, что я простужусь, вот и предложил поменяться.

— С чего бы это ему проявлять такую заботу? — Друг Ци Юньцзюэ учился вместе с Чжоу Линем, поэтому он знал его лишь поверхностно. В его представлении Чжоу Линь был холодным и суровым человеком, который, хоть и не был убийцей, но и добротой не отличался.

Всё это казалось слишком странным. Ци Юньцзюэ не смог найти объяснения, поэтому сказал брату:

— В любом случае, хорошо, что выладили.

— Угу.

На следующий день люди из дома Чжоу не пришли за лошадью. Помня о только что зародившейся дружбе, Ци Юньцзюэ решил отвезти её сам. Он думал, что Чжоу Линь просто забыл, но оказалось, что тот слёг с болезнью. Ци Юньцзюэ трудно было представить, что такой могучий и крепкий человек может заболеть. Поездка превратилась в визит к больному, и он распорядился купить лекарств.

Ци Юй об этом не знал — он с утра отправился во дворец. Сегодня был выходной, и принцы не учились, но Се Чжаньи зачем-то вызвал его к себе.

Войдя во дворец Уци, Ци Юй заметил новых евнухов, а в некогда запущенном дворе теперь красовалась бамбуковая роща. Евнух, подметавший дорожку, при виде Ци Юя отложил работу и тихо произнёс:

— Приветствую второго молодого господина Ци.

Ци Юй кивнул, в голове уже зародились недобрые подозрения: например, что у главного дворца появился новый хозяин. Лицо Ци Юя стало серьёзным — он понял, что жизнь Се Чжаньи во дворце теперь станет не просто сложной, а по-настоящему опасной.

Ци Юй поднял глаза и увидел, как Се Чжаньи медленно выходит из главного зала. Он был в новом наряде — тёмно-пурпурном халате. Его волосы были аккуратно уложены и заколоты нефритовой шпилькой, короткие пряди у висков естественно обрамляли лицо, слегка прикрывая кончики бровей.

Он стоял в дверях, сложив руки за спиной, с нескрываемым холодом во взгляде. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь облака, падали на его лицо. Выражение его лица не изменилось, но в этой холодной власти, отразившейся на его красивых чертах, он наконец по-настоящему выглядел как потомок императорской крови.

Ци Юй застыл, не зная, как подойти к нему в таком виде. Но стоило Се Чжаньи заметить его, как он расплылся в улыбке. Холод мгновенно исчез — он всё так же был ослепительно хорош: ясные глаза, изящный нос, алые губы, дуги бровей — он улыбался так, что сердце невольно сжималось от нежности.

Се Чжаньи быстро сбежал по ступеням, подбежал к Ци Юю и, распахнув объятия, бросился ему на шею. Крепко обняв его за талию, он рассмеялся:

— Второй братец Ци, ты так долго шёл.

Ци Юй похлопал его по плечу. Подбородок Се Чжаньи упёрся ему в плечо, его дыхание было прохладным, и Ци Юй невольно вздрогнул, заметив, что Се Чжаньи на мгновение замер.

— Что такое?

Се Чжаньи склонил голову, его ресницы дрожали, а уши горели, словно их опалили огнём. Его голос, хоть он и пытался сохранять спокойствие, слегка дрожал:

— Ничего.

Се Чжаньи закусил губу. Только что его губы коснулись шеи Ци Юя — мягкое прикосновение длилось лишь миг. Ци Юй не заметил, но Се Чжаньи покраснел до корней волос. Белоснежная шея Ци Юя была так близко, он невольно провёл языком по губам, чувствуя, как лицо пылает.

В голове крутилась лишь одна мысль: второй братец Ци такой красивый.

Спустя некоторое время Се Чжаньи перестал смущаться.

— Пойдём, заглянем внутрь. — Он выпрямился и больше не прижимался к нему.

Ци Юй пошёл следом, потянув его за рукав:

— Что здесь происходит?

Се Чжаньи не ответил:

— Увидишь сам.

Войдя в главный зал, Ци Юй остолбенел. Нефритовые вазы стояли на каждом столе. На стенах висели картины знаменитых мастеров, в тарелках лежали золотые монетки, на столе в кабинете высились стопки книг, на подставке красовалась целая коллекция кистей из нефрита и волчьей шерсти, а рядом лежала стопка первой классной золотой бумаги. На подносе в стороне лежали нефритовые пояса и расшитые шелком халаты.

Такого уровня подарки едва ли не превосходили те, что дарили наследному принцу.

Ци Юй подумал: неужели Се Чэнфэн переехал сюда? Но вряд ли император Лунсинь внезапно прозрел и решил одарить Се Чжань. В глубине души Ци Юй скорее поверил бы, что Се Чэнфэн переехал в этот медвежий угол, чем в доброту императора.

Се Чжань усмехнулся, загреб горсть золотых монеток и разжал пальцы, слушая их мелодичный звон:

— Это всё подарки отца-императора.

Ци Юй не поверил. Если только император не сошёл с ума.

Се Чжань поиграл вещами в руках:

— Второй братец Ци, хочешь? Если нравится — забирай.

Ци Юй покачал головой:

— Не хочу, и мне не нужно.

— Оу.

Се Чжань равнодушно бросил золото, ничуть не дорожа им. В его глазах не было ни капли восторга — лишь холодная насмешка. Он спокойно пояснил:

— Евнух, принесший дары, сказал, что отец скучает по моей матери, чувствует вину за прошлое и хочет всё исправить. Сказал, чтобы я просил чего угодно.

Ци Юй почувствовал, как дернулся глаз. Император Лунсинь, ты сам-то слышишь, что говоришь? Это хоть немного похоже на правду?

Столько лет не обращать внимания на сына, а теперь внезапно проявить заботу — либо император сошёл с ума, либо... те даосы что-то ему нашептали. Се Чжань не верил в его доброту, да и Ци Юй подозревал, что император преследует свои цели. Император Лунсинь был ещё в расцвете сил, но уже грезил о бессмертии — что же будет, когда он состарится?